

но никаких оснований для этого нет: более того, поэт прямо говорит, что император выступал в синклите (стк. 42. Ср. IX, 56), а не на соборе.

Стих. IX написано в связи с падением императора вместе с лошадью, которое издатель идентифицирует с упомянутым у Киннама и случившимся в начале 1167 г. (стр. 17). Трудность, правда, состоит в том, что поэт многословно скорбит о сломанном бедре (стк. 3—6), тогда как Киннам (Синп., р. 264. 12—17) сообщает о повреждении бедра и руки. Но даже если дата Бернардинелло верна, это не имеет значения для нашей задачи, так как стих. IX не касается вопроса об адельфате.

В стих. X, связанном все с той же затяжкой выдачи поэту адельфата, названо лишь одно событие, поддающееся датировке, — первая встреча с «сатрапом Икония» (стк. 7), т. е. с Килич-Арсланом II, которая состоялась в Константинополе в 1162 г. Правда, в словах поэта об императоре, обогрившем своей кровью пурпурный сапог (стк. 3—4), издатель видит намек на падение Мануила в 1167 г., оплаканное в стих. IX (стр. 17); намек, однако, слишком неопределен, чтобы служить основанием для датировки.

В стих. XI упоминают, помимо протосеаста (стк. 4), севаст и зять императора (стк. 5), в котором издатель хочет видеть Алексея Белу, жениха Марии (стр. 18). Идентификация ошибочна, ибо Бела был деспотом, а не севастом, титул «севаста и царского зятя» жаловался обычно мужьям племянниц василевса. Решить, кто именно из них имеется здесь в виду, невозможно. Опорных пунктов для датировки нет.

Стих. XII завершает весь цикл. Оно начинается с замечания, что прошло уже три года с того момента, как поэт поблагодарил государя за пожалование (стк. 1—4), т. е. с момента написания стих. VI. Бернардинелло датирует его на этом основании 1168 г. (стр. 18 и сл.). Он, однако, не рассматривает прямых намеков стих. XII на политические события. Это прежде всего упоминание о том, что император осыпал золотом сатрапа Икония (стк. 43), что естественнее всего связывать с приездом Килич-Арслана в Константинополь в 1162 г. (ср. стих. X). Далее идет речь о посылке драгоценностей в Галлию (стк. 48), о наделении золотом «племени элоров» (стк. 65), — видимо, сицилийцев, об испуге короля Аламанни (стк. 71). Вся ситуация могла бы подойти к началу 60-х годов, когда Мануил I и в самом деле искал союза Франции и Сицилии против Фридриха Барбароссы. Подробно описанную победу под Авидом над вражеским флотом (стк. 115—174) трудно связать с каким-либо известным событием, разве только с набегом 1158 г. (см. стих. VI). Загадочной фигурой остается тот «потомок севаста и тагматарха» (стк. 78), об успехах которого говорится в стих. XII. Скорее всего, севаст и тагматарх — это севаст и великий domestik Иоанн Аксук, сын которого Алексей был протостратором при Мануиле. Если отождествление верно, стих. XII не могло быть написано позднее 1167 г., когда Алексея обвинили в занятиях магией и постригли в монахи.

Я далек от оптимистической уверенности в том, что манганский цикл датирован мною окончательно и точно. Напротив, цель моих замечаний иная — обратить внимание на трудности этой датировки. Мне, во всяком случае, представляется, что стихи об адельфате были написаны за более узкий отрезок времени, чем предположенный издателем период от 1142 до 1168 г.

Манганские стихотворения — интересный памятник византийской общественной мысли. Они важны и для установления биографии самого поэта, и тут прежде всего возникает вопрос, принадлежали ли они Продрому или Псевдо-Продрому. Кто тот Продром, «милый мне Продром», которого упоминает автор в стих. X (стк. 47. Ср. стк. 27)? Издатель обходит проблему и, может быть, поступает правильно: видимо, следует сперва издать всю совокупность стихов, дошедших под именем этого поэта, и потом уже в новом свете ставить и решать проблемы, связанные с его жизнью и творчеством. Новое издание — при всей спорности введения к нему — приближает нас к этой цели.

А. К.

A. Gadolin. A Theory of History and Society with special reference to the Chronographia of Michael Psellos; 11-th Century Byzantium.} Stockholm, Göteborg, Uppsala, 1970

Распадающийся на две части заголовок рецензируемой книги («Теория истории и общества и «Хронография» Михаила Пселла») идеально соответствует ее общей структуре. Почти каждый раздел, глава и даже маленький параграф разделены надвое, причем первая часть обычно носит название «Теория», вторая — «Постановка вопроса в «Хронографии» Пселла». В первой излагаются античные представления о тех или иных сторонах общественной и частной жизни, во второй — взгляд на них Михаила Пселла. В последнем, пятом разделе содержатся выводы и устанавливается степень зависимости Пселла от античности. Шесть веков, отделяющих византийского философа и писателя от античной древности, опускаются вовсе с соответствующим объяснением, что V—X вв. — «темные века» византийской истории, не оставившие почти никакого следа в интеллектуальной жизни.

Что же имеется в виду под весьма широкими понятиями «теория истории» (скорее — «теория историографии» в трактовке автора) и «теория общества»? Проблемы историографии разбираются в разделе, нарочито повторяющем название известного трактата Лукиана «Как писать историю». Всякий историк, — пишет А. Гадолин, — в отличие от автора чисто художественного произведения стремится убедить читателя в справедливости своей версии событий и с этой целью пользуется тремя системами доводов (так мы переводим английское *proof*): этической (внушение доверия к себе, как к личности), эмоциональной (автор заручается доверием к себе и к своим намерениям историка) и логической (риторические средства убеждения). Тому, как эти системы доводов применялись в античности и у Пселла, и посвящен раздел.

«Теория общества» — предмет раздела под названием «Государственный деятель» («The Political Man»). Там дается сводка представлений как античных авторов, так и Пселла о том, каким должен быть государственный деятель, каковы должны быть его внешность, предки, образование, отношения с окружающими, качества главы государства, верховного военачальника, вершителя правосудия и т. д.

Результаты сопоставления взглядов Пселла и античных писателей можно суммировать примерно следующим образом: 1. Нет существенной разницы между тем, что Пселл сообщает о самом себе, и тем, что можно было бы, согласно «теории», ожидать от него как историка. Иными словами, историк XI в. пользуется теми же «средствами убеждения», что и его античные предшественники; 2. Система общественных ценностей не претерпела существенных изменений во времена Пселла по сравнению с античностью. Коротко говоря, определенные мировоззренческие стандарты, созданные в античной — а вернее, еще в греческой — древности, без заметной трансформации были усвоены византийским писателем XI в. Ничего нового в таком заключении нет. Классическая наука десятилетиями отказывала византийской культуре в оригинальности, рассматривая ее лишь как деградацию античной. Однако отсутствие новизны в концепции — отнюдь не аргумент для того, чтобы а priori отказаться от серьезного к ней отношения. Старые положения, как известно, могут вполне убедительно быть доказаны новыми методами и фактами. В данном случае этого, однако, не происходит...

Широко привлекая для своих сопоставлений античность, А. Гадолин воспринимает эту тысячелетнюю эпоху как нечто цельное и во времени неизменяемое. На одном уровне и «единым дыханием» цитирует автор Гомера, Цицерона, Гермогена и других авторов. При этом, вероятно, имеется в виду, что столь же недифференцировано, как некое *Gemeingut*, воспринималась античность и в сознании византийцев. Мнение это, однако, справедливо только отчасти, и не только потому, что в античности существовали противоборствующие философские, исторические, риторические и прочие школы. К какой школе примкнуть, какую традицию продолжить, — отнюдь не маловажная проблема для образованного византийца XI в. Вспомним хотя бы приобретенную политическую окраску борьбу вокруг отношения к Платону и неоплатоникам, страстным приверженцем которых был Пселл.

Второе из наиболее уязвимых мест аргументации А. Гадолина заключается в следующем. Стремление во что бы то ни стало соблюсти двучленную композицию книги (вытекающую, как мы видели, из основного метода автора) приводит к сопоставлению практически несопоставимых явлений из древности и средневековья. Яркий пример в этом отношении — трактовка античного остракизма. Этот известный древний обычай вызывает в памяти автора многочисленные факты «зависти» византийских императоров и сановников к незаурядным своим современникам и их жестокие расправы с возможными претендентами на престол (см. стр. 143 сл.). Уничтожение действительных или мнимых соперников — обычный способ действия деспотов всех времен и народов. Сопоставлять его с остракизмом — ненужная лесть в адрес тиранов. Некоторое внешнее сходство здесь, как и в других случаях, — не причина для проведения исторических параллелей.

Очень многообразный и потому фрагментарный материал «античной» части книги — естественно, только прелюдия к ее «византийскому» разделу, от которого следовало бы ожидать и полноты, и законченности. Эти ожидания, однако, оправдываются далеко не полностью. Суть дела не в довольно многочисленных неточностях, допущенных автором и редактором: Симон (Метафраст) вм. Симеон (стр. 19), Скилица (вм. Продолжатель Скилицы) (стр. 53, 60), *Vyzantini Turcica* вм. *Vyzantinoturcica* (стр. 17, имеется в виду известное справочное издание Д. Моравчика) и т. д. Много важнее, что материал привлеченных источников фрагментарен, а подбор используемой научной литературы случаен. Так, история XI в. в Византии излагается главным образом на основании очень почтенной, но уж очень старой «Истории Византийской империи» Лебо, появившейся задолго до первой публикации «Хронографии» Пселла. В главе о биографии Пселла используется хорошая, но тоже очень старая работа Рамбо, краткое и поверхностное введение к изданию «Хронографии» Рено и достаточно новая, но крайне ненадежная статья П. Иоанну¹. Полностью доверять этим исследователям опасно; высказанные ими гипотезы после повторения могут приобрести в глазах читателя значение непреложного факта. Так это и случилось, например, с установленным П. Иоанну и приведенным уже без всяких оговорок А. Гадолиным «фактом» второй

¹ P. Joannou. Psellos et le Monastère ta Narsou. — BZ, 44, 1951.

опалы и заточения Пселла в монастырь Та Narsou, якобы имевшим место сразу после прихода к власти Константина Дуки в 1059 г. (см. стр. 52). Простая проверка источников, на которые ссылается недавно умерший исследователь, показывает необоснованность этого утверждения².

Однако именно использование источников — наиболее уязвимое место рецензируемой книги. «Хронография», разумеется, цитируется много и часто, но подавляющее большинство речей, писем, трактатов Пселла не приводится даже в списке литературы. Такой важнейший памятник, как «Эпикомий матери», цитируется из вторых рук. Дело тут, видимо, не в простой неосведомленности автора, А. Гадолину «принципиально» не нужны никакие другие источники, помимо «Хронографии». Сведениям и взглядам, содержащимся в историческом сочинении Пселла, он доверяет абсолютно и не испытывает потребности в коррекции их другими источниками, хотя в византийском средневековье вряд ли найдется другой столь же противоречивый и непостоянный в своих суждениях автор, как Михаил Пселл.

Одни из суждений автора книги представляются нам справедливыми, другие — спорными, третьи — неверными, но почти все они одинаково бездоказательны. Если бы А. Гадолин даже оказался прав во всех частностях, его основной вывод о полной зависимости идей «Хронографии» от античности не мог бы считаться правомерным: неоригинальность элементов, из которых строится «Хронография», — отнюдь не доказательство неоригинальности произведения в целом, кирпичи разрушенного здания могут, как известно, быть прекрасным материалом для новых построек. Античные элементы нередко используются в Византии в новом контексте и функционируют в ином качестве.

В большинстве случаев мы не касались сути основных положений книги, обсуждение поставленных проблем увело бы нас далеко за рамки рецензии. Мы старались показать только недостаточность основного метода авторской аргументации.

Книга А. Гадолина может служить в некоторых своих частях сводкой данных «Хронографии» о тех или иных сторонах общественной жизни Византии XI в. Этим, по нашему мнению, ограничивается ее значение.

Я. Н. Любарский

F. H. Tinnfeld. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Prokop bis Niketas Choniates.
München, 1971, S. 205

Сквозь четкие строки, писанные рукой средневекового каллиграфа, неясно проступает портрет императора Фоки (602—610). Свинцовая печать, на которой он изображен, сохранила для нас в обобщенном, стилизованном виде внешний облик василевса, прославившегося своей жестокостью. О делах же его, вернее лишь о толике кровавых деяний Фоки, рассказывает небольшой лист пергамента, воспроизведенный вместе с моливдовулом на обложке книги Ф. Тиннефельда — фрагмент из «Сокращенной истории» Иоанна Зонары (первая половина XII в.). Впрочем, не только государи, стязавшие, подобно Фоке, славу тиранов, но и более умеренные в своих поступках василевсы ромеев не избежали зачастую суровой критики современников или потомков. Что порождало критику в каждом конкретном случае, в какие формы она облекалась, — об этом книга западногерманского византиниста.

Уточняя во введении тему и объем монографии, Ф. Тиннефельд сразу же оговаривается: для изучения элементов критики привлекается только историческая литература, памятники иных жанров рассматриваются в порядке исключения (стр. 12). Исследование охватывает эпоху с VI до начала XIII в., от Прокопия до Никиты Хониата. Что же касается выбора источников, то он ограничен не только жанром: для решения поставленной перед собой задачи Ф. Тиннефельд использует сочинения византийских историографов и хронистов постольку, поскольку они дают существенный для его темы материал. Из компиляций во внимание принимаются лишь те, которые «сохранились полностью и до известной степени самостоятельны или, по крайней мере, передают значительную часть утерянных первоисточников» (стр. 14). Таким образом, в книге не учитываются «Хронография» Иоанна Малалы, «Пасхальная хроника», «Сокращенное изложение» Иоанна Киннама, «Хроника» Михаила Глики, «Историческое обозрение» Константина Манасии и ряд анонимных хроник IX в.

На первый план при анализе выдвигается вопрос о категориях критики императоров, при этом внимание исследователя обращено не столько на негативные факты как таковые, сколько на те побуждения, интересы, представления, которые порождали в течение столетий критику византийских автократоров. Из буквального смысла (aus dem Wortlaut) критики и ее контекста, а также с помощью известных биографических данных пытается Ф. Тиннефельд выяснить мотивы, вызывавшие к жизни критические замечания византийских историков (стр. 12). Византинист ищет ответ на по-

² См. наши замечания: ВВ, 34, 1973, стр. 77—78.